

**Павел Владимирович
ЗАСОДИМСКИЙ**

ГРИШИНА МИЛОСТЫНЯ

Летний день был такой светлый, солнечный.

Гриша проснулся в самом весёлом расположении духа. Он подбежал к раскрытому окну и заглянул в сад. Из-за деревьев были видны поля, луга, покрытые цветами, зелёные тенистые леса,— и всё это сияло и улыбалось под яркими голубыми небесами...

Гриша торопливо натянул свои длинные серые чулки, полусапожки, надел свой матросский костюм — белый с

Песня про горы золотые — народная песня «Когда б имел золотые горы...»

Хромка — один из видов русской гармонии.

синими каймами, умылся, наскоро провёл гребёнкой по своим коротким тёмным волосам и сбежал вниз, в столовую. Отец его уже уехал в поле, и мама одна сидела за самоваром. Гриша поцеловал маму, наскоро выпил стакан густого деревенского молока и, не доев куска булки, схватил свою широкополую соломенную шляпу и выбежал на двор. В такой прелестный летний день Грише не сиделось на месте; ему не хотелось ни одной лишней минуты пробыть в доме.

Всё утро Гриша был весел и играл на дворе: сначала возился с лохматым Медведкой, потом играл «в лошадки» с кучеровым сыном Сашкой, пока мать не позвала того зачем-то домой, и, наконец, оставшись один, начал швырять камешками в воробьёв. Хотя он не попал ни в одного воробья, но воробьи всё-таки трúсили и при каждом взмахе его руки с шумом перелетали с плетня на крышу сарая и с крыши — опять на плетень. Их перелёты очень забавляли Гришу, и он продолжал против воробьёв свои безобидные военные действия. Щёки его разругались, тёмные глаза блестели... Гриша запыхался от беготни. Шнурок от ворота его матроски распустился, белые короткие штаны сбились, и одно колено, запачканное в земле, было уже всё на виду.

Вдруг, в самый разгар его беготни за воробьями, у ворот показалась какая-то девочка в коротком рваном платье и в чёрной дырявой кофточке, покрытой разноцветными заплатками — коричневыми, серыми, жёлтыми... Густые пряди белокурых льняных волос свешивались ей на лоб, на щёки и падали на плечи. Ноги её были босы и все в пыли... На одной её руке болталась корзинка.

— Барин... миленький! Подай милостыньку, Христа ради! — робко проговорила девочка, увидав Гришу.

Гриша в ту минуту собирался швырнуть камешком в воробьёв, но остановился и подошёл к девочке.

— Ты — нищенка? — спросил он её, отирая рукой пот с лица.

— Да... нищенка... Подай, барин, миленький!.. — промолвила девочка.

Гриша с любопытством посмотрел на неё. Девочка была очень невзрачная, такая маленькая, худенькая, с загорелым лицом; в её больших и впалых голубых глазах и во всём лице замечалось какое-то болезненное, жалобное выражение. Девочка, казалось, была чрезвычайно запугана, боязлива, и её тоненький голосок дрожал от волнения.

Гриша разыгрался и расшалился не в меру.

— Тебе хлеба надо? Да? — спросил он, зажимая камень в кулак. — Подставляй руку!

И девочка доверчиво протянула к нему свою крохотную худенькую ручонку.

— На, бери! — крикнул шалун и положил ей в руку камень.

Девочка не бросила камня и ничего не сказала; она только посмотрела на серый камешек, потом сквозь слёзы взглянула на Гришу и, понутив голову, тихо пошла далее по пыльной, пустынной дороге. Девочка решительно ничем не обидела Гришу — ни словом, ни взглядом, ни движением. А между тем Грише вдруг стало невесело, и лицо его омрачилось, как будто на него пала тень. Что за чудо! Что случилось?

Вокруг Гриши всё то же и всё так же хорошо и светло, как было и до прихода нищей. Солнце так же ярко, небо так же ясно, тёплый, лёгкий ветерок так же приятно веет в лицо... И воробьи чирикают так же задорно и с шумом летают взад и вперёд, как бы приглашая Гришу поохотиться за ними,— но Гриша и не смотрит на них... Гриша был вовсе не злой, не жестокий мальчик. Он просто слишком расшалился, захотел пошутить с нищей, но шутка вышла худая.

Гриша бегом бросился в кухню, сам отрезал толстый ломоть хлеба и выбежал за ворота. Он взглянул направо, взглянул налево — девочки нет, не видать, и след простыл. Он пустился по дороге в поле. По обеим сторонам дороги поднималась золотистая рожь.

В поле было тихо, только жаворонок пел в голубых небесах... Гриша бежит и заглядывает туда и сюда... Но девочки нет, не видать. Гриша, наконец, задохся и остановился... Ушла! Не догнать!.. Гриша, усталый, возвратился на двор и, держа в руке ломоть хлеба, прислонился к приворотному столбу.

Ему стало очень, очень грустно... Он всё посматривал в поле, всё думал, не покажется ли вдали девочка. Но её нет!.. «Какая она маленькая, худенькая... — раздумывал Гриша. Она просила у меня куска хлеба. Она, может быть, голодная...» Глаза его затуманились, по щекам потекли слёзы, и сквозь слёзы, как сквозь серую дымку, мерещилась ему жёлтая колосистая рожь и над нею голубое небо...

Подайте ему эту девочку! Подайте ему эту нищенку!.. Он даст ей хлеба, принесет ей булок, подарит ей все свои серебряные деньги, отдаст ей все свои игрушки, отдаст ей всё, всё — даже ружьё и барабан!.. Но девочки нет! Гриша плачет, мнёт в руках хлеб, и его горячие слёзы кропят ломоть ржаного хлеба. И отчего она не бросила камень? Зачем ничего не сказала ему? Теперь ему, кажется, было бы гораздо легче, если бы девочка швырнула в него камнем или выбрала его как-нибудь... Но она только сквозь слёзы посмотрела на него и на камешек и ушла молча... Отчего она так посмотрела на него?..

Когда Гриша вспомнил её молящий, жалобный взгляд, ему стало так стыдно за свою глупую шутку, стало так тяжело, так мучительно больно, что он не выдержал и, ухватившись рукой за приворотный столб, горько зарыдал. «Уж я подкараулю её! — сказал себе Гриша. — Не пропущу мимо... Я подам ей милостыню; я ей всего-всего надаю... Я поцелую её!..» И весь день Гриша бегал за ворота и смотрел в поле, на пыльную дорогу. Нет девочки, не видеть!.. Ни один нищий не прошёл мимо ворот.

Наконец, мама крикнула ему из окна:

— Гриша, домой пора! Уже сыро... Роса!

Гриша пошёл, сел на крыльцо и всё-таки не сводил глаз с дороги, серой лентой извивавшейся мимо ворот и

пропадавшей в неизвестной дали. Солнце давно закатилось. Серебристый серп молодого месяца высоко стоял в синем ночном небе. Соловей защёлкал в потемневших кустах; цветы в саду и на полях запахло сильнее. Дремота стала одолевать Гришу; глаза его смыкались... Нужно было отправляться спать.

Пошли дни за днями.

Иногда, случалось, проходили мимо ворот нищие — старики, старухи, бабы с малыми ребятами,— но той девочки Гриша уже больше не видал.

И не раз румяным летним вечером, стоя за воротами, Гриша живо представлял себе маленькую нищую, мысленно видел, как она доверчиво протягивала ему ручонку и как потом жалобно посмотрела на него и пошла от ворот. Девочка исчезла бесследно, унеся с собой его серый камешек,— пропала, точно её никогда и не бывало на свете. Вероятно, эта девочка была из какой-нибудь дальней деревни...

Теперь Грише было очень жаль эту невзрачную, оборванную девочку, и Грише хотелось бы хоть ещё раз увидеть эту нищенку и вымолить у неё прощение за свою злую, обидную шутку...

После того Гриша никогда не подавал нищему камень вместо хлеба.